
ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ
(Поэтическое переложение)

Русский поэт Игорь Лукьянов. Автор одиннадцати поэтических сборников. Лауреат всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова. Постоянно публикуется в «Приокских зорях».

Споры о подлинности «Слова о полку Игореве» как будто закончены. Оно признано жемчужиной древнерусской литературы (1187 г.), произведением с богатым содержанием, усвоение которого затрудняют устаревшие языковые формы. Тем понятнее живой интерес к переводам древнерусского текста на современный язык, особенно язык поэтический. Традиция поэтического переложения «Слова» начата В. А. Жуковским. Свои силы к переводу долговечного памятника приложили: А. Н. Майков, К. Д. Бальмонт, Н. Н. Заболоцкий, И. И. Шкляревский. Создание наиболее совершенного переложения продолжается, и Игорь Лукьянов с большим интересом включился в этот притягательный труд.

Взяться за новый перевод — значит не удовлетвориться старыми переложениями и пожелать превзойти своих предшественников. И. Лукьянов, видимо, признал переводы Жуковского и Майкова слишком буквалистскими, а переводы Бальмонта и Заболоцкого несколько тяжеловесными и тяготеющими к прозаическому дискурсу. Конечно, исторический текст не позволяет переводчику слишком вольничать и стремиться к современным стихотворным размерам: нужно почти интуитивно ощутить древний ритмический строй. Игоря Лукьянова не подвела интуиция: он почувствовал народнопоэтическую основу памятника и поэтому вполне закономерно прибегает к тоническому стиху. Визуально тонический стих «Слова» можно представить в виде длинной нитки жемчуга по белой странице сверху вниз, как золотое слово Святослава. Естественно, что слова-жемчужины неравномерны по величине, и от этого возникает ритмический рисунок, самосильно струящийся вниз. Оттого и автору перевода не приходится прибегать к словесному насилию, ибо слова-жемчужины сами свободно располагаются, как камешки на ладони. Активное авторское вмешательство все-таки необходимо, но оно проявляется не столько в вы-

боре слов, сколько в их илифовке и огранке. Так, враги князя Игоря, «половцы» и «поганые», вследствие легкой авторской огранки превращаются в «степняков», «кочевников» и «басурман», а их натиск — в «половецкую лаву». Соответственно и «руси-чи», или «русские», преобразуются в «шлемоносцев» и даже «славян». Переводчику не изменяет чувство меры даже там, где он произвольно и однозначно оценивает таинственные явления. Мифическое существо див предупреждает половцев о приближении русских, и поэтому И. Лукьянов имеет творческое право оценить его с обличительным нажимом:

На черных ветках
вероломный див
предательской забился
погремушкой.

И дело здесь не столько в субъективном характере сравнения, сколько в густоте нравственной оценки — «вероломный», «предательский».

Короткие строчки перевода — следствие рубленого, тревожного ритма битвы и раздоров. Сцены битвы переведены безукоризненно, экспрессивно, но И. Лукьянова, видимо, больше тревожат крамола, раздоры, междоусобицы. И это не случайно — он знает о страшных последствиях нашей гражданской войны. Строки о междоусобной войне чередуются и выравниваются, как удары мгновенных клинков:

Свои рубились.
Родина стонала.
И каркал вран.
И пахарь не пахал.

И как тут удержаться от неожиданного оценочного слова «зараза»: «Пришла усобицы зараза».

Автора захватывает не только искусство перевода, но и высокое патриотическое чувство, когда он обращается к мысли о сохранении и сбережении великого государства:

Здесь вспоминали
Старого Владимира
И прежних собирателей
земли.

Слово «собиратели» возникло несколько неожиданно, но оно мотивируется всем патриотическим содержанием великой поэмы.

Евгений Порошенков,
кандидат филологических наук

Настало время,
братья, говорить
нам о походе Игоревом Слово.
Но как к той
скорбной песне приступить?
Что для зачина
будет нам
основой?
Боян
был в тех делах
весьма горазд —
он, вещим сердцем
белый свет
окинув,
пел в честь князей
победные былины,
с их славы
за пластом снимая пласт.
Свои персты
по струнам разбросав,
он вольно пел
под гул суровый меди...
И первым был
там старый Ярослав.
Вторым Мстислав,
Что победил Редедю.
Потом Роману
славу
пел певец,
небесной
божьей волей
вдохновенный.
Но как
тех гуслей
ни прекрасны звоны,
начнем
свою мы повесть, наконец.
От старого Владимира начнем
до нынешнего Игоря,
который
собрал войска в отечестве своем
и двинул
в половецкие просторы.
О мастер красноречия,
Боян!
Вот
где б ты мог
талантом разгуляться:
летать,
по древу

мыслью растекаться,
по тропам рыскать,
что торил Троян.
Для славы русской не жалея слов,
Ты б так сказал,
наверное,
сначала:
на синий Дон
не буря соколов
через поля широкие примчала.
Туда слетелась
черных галок рать,
небесные закрыв собою своды.
Есть соколам
пространство
для охоты.
Здесь биться им.
И здесь им
умирать.

* * *

Сула и Киев,
Новгород,
Путивль —
там боевые
кони,
трубы,
стяги.
Войска готовы
с Игорем идти,
верны Отчизне,
князю
и отваге.
Об этом твердо
Всеволод сказал —
брат Игоря,
такой же Святославич:
«Когда же, брат,
ты в строй
коней поставишь?
А я своих
давно уж оседлал.
У Курска жду
с дружиною своей.
В ней
каждый шлемоносец —
с детства воин.
Достоин князя
и себя достоин,
готовый

мчатся
волком средь полей».
Тут Игорь
посмотрел на небосвод.
И там, где солнце —
не увидел солнца.
Средь бела дня
на русских шлемоносцев
спустился
мрак
предвестником невзгод.
Но князь
не дрогнул
от приметы той.
Призвал
седлать
коней борзых
и — к Дону.
— Уж лучше гибель,
чем позор полона
Коль победим — поьем воды
донской!
И двинулась дружина,
дух сплотив,
враждебный мрак
движением наруша.
На черных ветках
вероломный див
предательской
забился
погремушкой.
Чужой земле
давал он знать собой,
что Игореве войско
на пороге.
Ударил гром.
Взметнулись
свист и вой
зверья и птиц
со всех сторон дороги.
Но Игорь тверд —
наполнить свой шелом
донской водой
иль пасть
на дальнем берегу.
Скрипят навстречу
половцев телеги.
О Русская земля,
ты за холмом...
Всю ночь шел полк

среди злобной темноты.
К рассвету
в поле чистое
вступили.
И русские
червлёные щиты
дорогу
басурманам перекрыли.
И первый бой
за нашим войском был.
Враги бежали,
по степи
рассеясь.
А русичи
богатые трофеи
среди болот
пустили под настил.
Наряды
красных половецких дев, узорочья, попоны,
аксамиты —
все разбросали щедро по воде,
все полегло
под конские копыта.
И снова ночь.
И вновь — со всех сторон
полк Игорев
чужая мгла
объемлет.
Дружина ждет врага
и чутко дремлет.
Гзак с Кончаком
ведут войска на Дон.
А рано утром
был кровав
восток.
Большие тучи
с моря
наступали.
Там,
В черных далях
молнии дрожали —
быть битве,
быть великой,
видит Бог...
Греметь тут саблям,
копьям тут ломаться.
И стрелы,
словно сучья в бурелом.
Тут многим навсегда
судьба
остаться.

О Русская земля,
ты за холмом...
Степь загудела
в тысячи копыт.
И в тыщи глоток
бесовское семя,
несясь со всех сторон,
свистит, вопит,
Олегово сломить пытаясь племя,
Не дрогнули славянские щиты.
И первым
грудью
к половецкой лаве
Буй Всеволод,
как тур,
рванулся ты,
своим геройством
на Руси
прославлен.
Поганых
топчешь ты
конем своим.
И с плеч
слетают головы,
как груши,
там, где мелькаешь
шлемом золотым,
там, где гремишь
мечом ты харалужным.
Одна лишь битва —
в сердце удалом.
Средь груды тел,
среди крови непролазной
забыл ты о
Чернигове родном,
о жenuшке,
о Глебовне преясной.
Познала Русь
Трояновы века.
Познала
на престоле Ярослава.
Во все концы
ее
сияла слава.
И власть была
едина и крепка.
Но вот пришли
крамолы времена.
Но вот
пришла

усобицы зараза.
Лихих коней
звенели стремена —
то русский князь
на русского шел князя.
Олег враждой
Отчизну
засевал.
Она
кровавой нивою возрастала.
Свои рубились.
Родина стонала.
И каркал вран.
И пахарь не пахал.
Но что те битвы...
Разве их размах
сравним
с великой
сечею у Дона,
когда
несметный
напирает враг,
когда железный ливень
стрел каленых.
Два дня,
две ночи
бой идет подряд.
Два дня,
две ночи
дети Святослава
с мечом
за славу русскую стоят.
На третий день —
поникла эта слава.
На третий день
прервался
битвы пир.
На третий день
упали
русских стяги.
Бойцы ушли из сечи в горний мир,
врагу оставив стол
кровавой браги.

* * *

Что ж, братья, заскорбел
Дажьбожий внук...
Троянова земля
в беде застыла.
И той тугой

натянута,
как лук,
про времена —
счастливые забыла.

По-прежнему
идет
на князя князь.
На брата брат идет
с мечом и бранью.
И половцы,
победой вдохновясь,
терзают Русь
и облагают данью.
Проведали
про слабость
степняки
разорванной Руси
осиротелой,
забыв,
как их поганые пределы
топтали
Святославовы полки.
В копытах
содрогался горизонт.
Взмутились реки.
Высохли болота.
Был хан Кобяк
из этого похода,
как тать,
плененный в Киев привезен.
Прославился далеко тот поход
своей победой
в землях половецких.
В краях моравских,
греческих,
немецких
о грозном Святославе
слух идет.
У Игоря
совсем другой удел.
О нем молва
характера другого:
как из седла
удачи золотого
в невольничье седло
он пересел.
А Святослав
на киевских горах
увидел сон —
весь из худых предвестий.

Себя увидел
в крупных жемчугах.
И грай вороний
на лугах предместий.
Увидел
ковш с вином,
а в нем — тоска.
Увидел на кровати
черный полог.
И на своих
на княжеских хоромах
увидел, старый,
кровлю без конька.
Бояре
Святославу так рекли:
«Кручина, князь,
взяла в полон
твой разум,
когда два солнца,
вдруг погаснув разом,
два месяца с собою увели.
Во тьме сошедшей,
по Руси святой,
как пардусы,
кочевники шныряют.
И красны девы
в стороне морской
врагов Руси
прилежно воспевают.
Слышны в напевах
Бус
и Шарокан.
Их русичи
не раз
в походах гнали.
Ту славу
Игорь утопил в Каяле.
И вновь в героях —
половецкий хан.

* * *

Задумался
великий Святослав
об участии раздолья дорогого.
Тут изронил он
золотое слово,
его с печалью слезною смешав.
И начал так
усталый мудрый князь:
«Сыны мои,

и Всеволод,
и Игорь,
на половцев
какой недобрый вихорь
погнал вас
и втоптал отвагу в грязь?
Хотели вы
испить донской волны,
с мечом
пройти кочевников долины.
Все обернулось
гибелью дружины,
позором для отцовской седины.
Где ты, мой брат
могучий Ярослав,
и удалцов черниговских оравы,
что гнут полки,
нож засапожный сжав,
звеня в бою
прадедовскою славой.
Иль Родины не слышите вы стон?
Земли своей
не видите вы беды?
Владимир ранен.
Римов разорен.
И по Руси
идет Кончак с победой.
А ты, великий Всеволод,
силен.
Что ж не спешишь ты
встать за отчий посох?
Ведь шлемами
ты можешь выбрать Дон,
и Волгу расплескать,
идя на веслах.
Вы, храбрые
и Рюрик, и Давид.
Давно пора,
давно настало время
вступить, князья,
вам в золотое стремя.
Кто как не вы
за Игоря отметит.
Князь Ярослав,
высоко твой престол
среди гор угорских
на берегах Дуная.
Здесь всех
своей ты силой
превзошел

и правишь,
на соседей невзирая.
Свою
диктуешь волю королю.
Твои
в султанов
долетают стрелы.
Направь их
в Кончака —
тебя молю.
Направь их
в половецкие пределы.
Роман,
Мстислав —
ваш ратный дух высок.
Не занимать вам
воинской отваги.
От вас дрожали
Запад и Восток —
Хинова,
Деремела
и Ятвяги.
Мечей
там ваших
знают гром и звон.
Там знают,
как отважно
русич бьется,
зовет вас нынче
на победу Дон,
где потемнело
Игорево солнце.
Вы, Всеволод
да Ингварь,
да еще
Мстиславичи —
не робкая порода.
Закройте
вихрем стрел
степи ворота
от половецких орд —
к плечу плечо.

* * *

Погасли воды
Сулы
и Двины
под бешеными кликами поганых,
Встал Изяслав
и в сече не на равных

за Русь
сквозь тело
душу изронил.
Пошел он
на литовские мечи
и одинокий пал
в траве кровавой.
Лишь звери рыщут,
воронье кричит.
Ни Всеволода с ним,
ни Брячислава.
И Ярослав,
и внуки все Всеслава
крамолами своими навели
на землю нашу
половцев оравы
и в дедовскую славу
не вошли.
Над Русью
вьются
черные дымы.
На Русь
пришли
раздоры и интриги.
И берега кровавые Немиги
засеяны
славянскими костями.
Был князь Всеслав
своим врагам
под стать.
Ему Боян
сказал однажды
сумрачно:
«Как ни хитри,
ни ворожи,
ни умничай —
а Божьего суда
не избежать».
Стонала Русь.
и никли ковыли
И Русская земля
как будто
вымерла.
Здесь вспоминали
Старого Владимира
и прежних
собирателей земли.

* * *

Стонущей чайкой
даль поправ —
по Дунаю
голос Ярославны:
«Омочу в Каяле бел-рукав,
оботру им Игоревы раны».
Ярославна плачет на стене на высокой
города Путивля:
«О зачем
такое горе мне
ты навеял, господин ветрило».
Ярославна плачет на стене
на высокой
города Путивля:
«Днепр Словутич,
сделай,
чтоб ко мне
челн
с моею ладою
прибило».
Ярославна плачет на стене
на высокой города Путивля:
«Солнце,
степь не жги.
В твоём огне —
Игорево
войско притомилось».

* * *

Вечер
тут взыграл
морской волной.
И в туманах —
смерчи степью голой.
Кажет Бог
путь Игорю домой
к золотому
отчему престолу.
Скрылись зори.
Сумрак — без конца
задышал
над степью половецкой.
Дремлет князь
и тут же
мыслью дерзкой
мерит степь
от Дона до Донца.
Свист Овлура
в дальних камышах...

Побежал князь
горностаем ловким,
гоголем проплыл,
промчался волком,
соколом понесся в небесах..
И Овлур
за ним
в ночной росе.
За спиной
дыхание погони.
Выдохлись под беглецами кони...
Но блеснул Донец
во всей красе.
И сказал он:
«Здравствуй,—
славный князь.
Снова ты
в степях родного края.
Русь тебя встречает,
веселясь,
Кончака-собаку проклиная».
И ответил Игорь:
«О Донец,
О тебе всегда
и всюду помню.
Ласка волн
и берегов зеленых —
вот они со мною, наконец.
Мне тебя
со Стугной
не сравнить.
Черная за той рекою слава.
Юного сгубила Ростислава.
Плачет мать.
Ей горе
не избыть».
А когда
князь Игорь
убегал
в ночь
из половецкого полона,
в диких травах
каждый зверь
молчал.
И молчали
галки и вороны.
Это был
небесный
добрый знак —
Игоря вела Христова сила.

И затих
с погонею Кончак...
В трелях соловьев
заря всходила.
А по русским
долам и холмам,
словно солнце красное лучится —
это Игорь
в Киев помолиться
едет к Богородице во храм.
Слава старым,
новым временам!
Русичам
не жить врагам в угоду...
Слава и дружине,
и князьям!
Слава православному народу!
Аминь.

Примечания автора

Поход князя Игоря Святославича на половцев состоялся весной 1185 года.

Боян — древнерусский поэт-певец.

Троян — вероятно, один из богов языческой Руси.

Див — враждебная русской земле вещая птица.

Червленный — красный.

Каяла — река.

Харалуг — сталь западноевропейской выделки.

Пардус — хищный зверь, гепард.

Хинова — восточные враждебные Руси племена.

Ятвяги, деремела — западные племена.

Овлур — половец, бежавший на Русь вместе с Игорем.

Наталья Квасникова
(г. Москва)

ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ

Наш постоянный автор, зам. главного редактора, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. «Все мои стихи — повесть о жизни, но — не только моей. Ни один человек не может прожить так, чтобы это никого не коснулось, не тронуло, не заинтересовало, а сам он не заметил, не обратил внимания на тех, кто толпится и дышит вокруг. Рядом хватаются за голову, раскрывают душу, порой наушничают и сплетничают,— и часто с убежденностью, будто проявляют чуткость и интерес к ближнему. Из всего житейского и будничного рано или поздно образуются стихи».

...Люди,
Отдаю — без денег,
За доброту и любовь
Все самые лучшие
Свойства души моей,
Юное рвение,
Лучистый рассвет и новь,
И песни, зовущие
В щедрую даль морей...

...

...Меняю, с оглядкой,—
Больше для порядка:
Подругу —
На услугу,
Приключение —
На назначение,
Счастье —
На сласти...

...

...А кому — семечки,
За рубли-копеечки,
Жареные-сушеные,
Не скупись — дешевые!..

* * *

Я плакала
О радостях былых...
Но оценила это
Лишь позднее:
Дано мне счастье
Знать и помнить их,
А много тех,
Кто помнить не умеет.

* * *

Двадцать лет назад,
В день весенний,
Ты пришла в мой сад
Приключением.
Дочка, щедрой Фортуны
Милость,
На апрель пришлась —
Приключилась,
Потому
Весна Соловьишна
Круглый год в дому,
Так-то вышло.

* * *

Белокурые поэты,
Пушкин и Есенин,
Не чернилами, а светом
День сплели осенний.

Ветер мчал в лесные дали,
Холодком повеяв,
И слова легко слетали,
Как листва с деревьев.

* * *

...А всем сочиню я
Осень такую,
Что не случалась еще пока.
В листву цветную
Москву макну я,
Навешу рваные облака.
...А я приведу к нам
Лукавый ветер,
Всегда небрежный, чуть во хмелю.
Скворцам-то — на юг на
Рыжем рассвете,
Но я — останусь и потерплю.

* * *

Продавали в киоске газетном
Уцененную Бабу-Ягу.
Под холодным дождем и под ветром
Остановлена я на бегу
Проницательным кукольным взглядом
И усмешкой пластмассовых губ.
Мне давно уж игрушек не надо б,
Но игрушечник, видно, не глуп.
Пусть одежда пошита кустарно,
И неровно легли рукава,
Но портрет воплощен не бездарно,
Как живая, глядит голова,
Ухмыляется в спины прохожих,
И,— от мысли уйти не могу,—
Уценили ее, но, похоже,
И она не осталась в долгу.

РАЗВОД

Перекрестье ветвей —
Дар окна без штор...
Накурили, ей-ей,
Хоть вешай топор.

И о чем говорить?
Что еще решать?
Сыну скоро три,
Вы — отец и мать...

* * *

Получила старуха квартиру
В новом доме. Приехала,— тут!..
Не привыкла, что — тихо, не сыро,
Ходит, смотрит, а слезы текут.
Ей пожить бы — ведь самое время!
Дождалась, дотянулись года...
Сколько было и просьб, и полемик
Перед тем, окончательным, «да!»
То ли это большая удача,
То ль насмешка — и дрожь по лицу...
Улыбается бабка и плачет.
Наконец-то! Жаль только — к концу.

* * *

Знаете, для меня
Дон Жуан —
Веселый и добрый малый,
В Москву приехал

На пару недель,
От баб отдохнуть,
Пожалуй...
Был долог путь,
А здесь, как эхо,
Пошла канитель —
Испанец!
Кортехо!
По ходу дня
Немного хмелен
Бывал он,
Но не из пьяниц...
А наши клушки —
Ой,
Смуглый какой —
До самой макушки!
Как истинный кабальеро,
Галантен опять не в меру...
Что ж делать? Среди
Ошалевших невест,—
Сеньор, неси свой крест
До седин!

* * *

Зимняя, морозная
Выдалась любовь.
Невозможно слезы лить
Посреди снегов,

Если вьюга вертится,
Места нет воде.
Льды,— а жарко сердцу-то,
Аж искрит везде!

Мы в застывшей рощице
Все одним-одни.
Нам весны не хочется
В эти белые дни —

Кружевные,
В узорах все,
Озорные,
Без горестей...

* * *

...А я смогла
Любить — сначала,
Смирилась ревность,
Стыл ожог,
Мне болью рана

Подказала,
Что ты себя
Не превозмог.
Ты вовсе не был
Друг сердечный,
Не принц,
А только
Первый встречный...
И все же —
Повторим начало,
Мне болью рана
Подказала.

* * *

Часы идут.
Засушенным горохом
Секунды рассыпаются, шурша.
В сети минут
С неудержимым вздохом
Запуталась растерянно душа.
Года кричат
О слабости и силе,
Что мы пораскидали вдоль дорог.
На всякий лад
Грешим мы — и грешили,
Чтя заповеди только между строк.
Отчаявшись,
Мы снова шли к началу,
Кружа по прежним спутанным следам...
Но властно жизнь
Свиданье назначала —
И за упорство воздавала нам.

* * *

Под весенним упорством
Дождя
Насыщается зеленью
Роша...
Если пасмурно,
Мыслится проще,
И, цветок молодой
Найдя,
Я порадуюсь
Непокорству
И проворству,
И озорству...
Не сорву его,
Не сорву.

* * *

Сквозь мягкую ночную тьму
Мне снилась чаша Бенвенуто
Челлини,
И была минута,
Когда я верила всему,
Что делало меня бессильней,—
Твоим глазам,
Надежде прежней,
И даже — будто в чаше той,
Сверкающей и золотой,
Дрожит напиток нежный
Любви безбрежной.
Но утро выкрасило
В кровь
Разбитый сон —
Любовь мою,
Ты нем и пуст, и не готов...
Из чаши призрачной не пью,
И в зеркале, уже без снов,
Морщинку вижу горькую...

Владимир Резцов
(г. Калининград)

*Лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова*

ПЕСНЯ О ГРИШКЕ ОТРЕПЬЕВЕ*

II. ОТ ВЕКА К ВЕКУ

Лаёт *фюрер*** бесноватый,
Брызжет бешеной слюной,
Всюду лезет хищной лапой,
Всем вокруг грозит войной.

В Пиренеях поразмялся,
Хунту *Франко**** поддержав,
А потом уже дорвался
И до прочих-то держав.

Вот уж Польша в битве пала,
Вот и Австрии *аншлюс*****,
Франция не устояла...
Но незыблем наш Союз!

Он стоит, скале подобен.
От него спасенья ждать,
Ибо он один способен
*Рейху****** противостоять.

Вся промышленность в Европе
Рада фюреру служить.
Силы гитлеровцы копят,
Чтобы нас поработить.

* Продолжение. Начало в № 4 — 2012 г. и № 1 — 2013 г.

** *Фюрер* (нем. Führer) — немецкое слово, означающее «вождь», «лидер», «предводитель». В Германии в 1934—1945 годах официальный титул главы государства и Национал-социалистической немецкой рабочей партии (1921—1945). Слово используется в качестве обозначения Адольфа Гитлера (1889—1945), официально носившего этот титул.

*** Франсиско Франко (1892—1975), диктатор Испании с 1939 по 1975, генералиссимус вооруженных сил Испании. Кровавый фашистский диктатор. Пришел к власти в результате гражданской войны при поддержке Гитлера и Муссолини.

**** *Аншлюс* (нем. Anschluss — присоединение, союз) — включение Австрии в состав Германии, состоявшееся 12—13 марта 1938 года. Независимость Австрии была восстановлена в апреле 1945 г.

***** *Третий рейх* (нем. Drittes Reich — «Третья империя») — неофициальное название Германского государства с 24 марта 1933 года по 23 мая 1945 года. В литературе и историографии Третий рейх также известен как «нацистская Германия».

*Нас побить, побить хотели,
Так хотели — о-го-го!
А мы тоже не сидели,
Дожидались того!**

Красной Армии походы
Доказали: сила есть.
Встали новые заводы,
Что числом под тысяч шесть.

И один другого краше,
Каждый новый все мощней.
В них надежда, сила наша,
С каждым годом все сильней.

Там гиганты, а не крошки,—
Мастера — не так себе.
Наши *Яковлев* и *Кошкин* **
Не выходят из КБ.

Лучше всех в подлунном мире
Будут наши *ястребки* ***,
Танки *T-34* —
И ударны, и ходки.

Есть *Ижевск* у нас и Тула.
В Туле — *детище Петра* ****.
В нем стволы и пушек дула
Отливают мастера.

Сто да тридцать лет доселе
Бонапартовым войскам
Здесь гостинцы подспели.
То-то был пришельцу срам *****!..

Но всего важней, что славен
Наш советский человек,
Этот истинный хозяин
Всех лесов, полей и рек.

* Парафраз стихотворения Д. Бедного «Нас побить, побить хотели!» (1929 г.)

** Александр Сергеевич Яковлев (1906—1989). Советский авиаконструктор, академик АН СССР (1976); член-корреспондент 1943), генерал-полковник авиации (1946). В годы Великой Отечественной войны созданные в его КБ истребители Як-1, Як-7, Як-9, Як-3 составили около 60 % (свыше 36 тысяч экземпляров) от всех построенных в годы войны истребителей. Михайл Ильич Кошкин (1898—1940) — советский конструктор, начальник КБ танкостроения Харьковского завода. Под его руководством создавались танки А-20 и Т-32, послужившие базой для создания легендарного Т-34.

*** В СССР в годы Великой Отечественной войны обиходное название советского самолета-истребителя.

**** Тульский оружейный завод, основанный Петром I в 1712 г.

***** Во время Отечественной войны 1812 г. Тульский оружейный завод внес выдающийся вклад в конечную победу над Наполеоном вооружением русской армии.

Ученик советской школы,
Он воспитан как герой;
Он питомец *комсомола* *,
Сына партии родной.

Он крылатый, словно птица.
У него такая стать:
По-стахановски трудиться
И по-чкаловски ** летать.

Всей душой неистребимой
Трудник, воин, патриот
Верен Родине любимой,
В сердце — мужество поет:

*«Если вдруг война нагрянет,
Если завтра в бой идти,
Весь Народ Советский встанет,
Чтобы Родину спасти»* ***.

*«Не скосить нас саблей острой,
Вражесей пулей не убить.
Мы врага встречаем просто:
Били, бьем и будем бить!»* ****

...Вождь оттягивал начало
Как и столько, сколько мог.
Но заря еще не встала,
Как в июне вышел срок.

Всей своей железной мощью,
Только начал таять мрак,
Той короткой летней ночью
Вероломно хлынул враг.

Легионы войск отборных
Грудью встретить нам дано;
От зловещих крыльев черных
Небо сплошь черным черно.

* Комсомол (сокращение от Коммунистический союз молодежи), полное наименование — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ) — политическая молодежная организация в СССР.

** Алексéй Григорьевич Стаханов (1905/1906 год — 1977) — советский шахтер, новатор угольной промышленности, основоположник Стахановского движения, Герой Социалистического Труда (1970). Валерий Павлович Чкалов (1904 — 1938) — советский летчик-испытатель, комбриг, Герой Советского Союза.

*** Парафраз песни «Если завтра война» — слова В. Лебедева-Кумача, музыка Дм. и Дан. Покрасс (1938 г.)

**** Песня «Не скосить нас саблей острой» — слова В. Лебедева-Кумача, музыка Дм. и Дан. Покрасс (1937 г.)

В том аду огня и стали
Бомбы сыпались, как град,
И от взрывов запылали
Киев, Минск и Ленинград...

Вой сирен стоял, не молкнув;
Немец жег, зорил дотла;
Вихри вражеских осколков
Рвали стены и тела.

Сколько мирных граждан пало!..
Гибли мать, ребенок, дед...
Всюду смерть торжествовала,
Никому пощады нет...

Сколько деревень спалили
Палачи, куда ни кинь!..
Крепко помним, не забыли,
Как живьем сожгли *Хатынь* *!

За сто верст несло паленым.
Враг глумился и казнил
По разбойничьим законам...
А стерпеть — так нету сил!

Нам смириться — не годится!
За потоп кровавых слез —
В лоб по девять граммов фрицам!
Вражий поезд — под откос!..

Все овраги да поляны,
Лес да топь, где не пройти...
Ой, туманы, растуманы **,
Партизанские пути...

Целься зорче, бей не мимо,
Чтобы гадов насмерть бить,
Красной Армии родимой
В ратном деле подсобить!

Видишь, как пришлось ей туго:
Так проклятый фриц силен,
Что от Бреста и от Буга
Наступает, сволочь, он...

* Хатынь — деревня в Белоруссии, уничтоженная 22 марта 1943 года карательными подразделениями вспомогательной охранной полиции из состава украинского коллаборационистского формирования 118-го шуцманшафт-батальона.

** В 1942 г. была написана партизанская песня «Ой, туманы мои, растуманы» — слова М. Исаковского, музыка В. Захарова.

Там, в Европе, попривык он
С сигареткой побеждать,
Чтоб в смятении великом
Всем дрожать и трепетать.

Второпях да в беспорядке
И бельгиец, и француз
Удирали без оглядки,
Без порток и без рейтуз.

Только из другого теста
Красной Армии бойцы:
От *обугленного Бреста**
Упирались молодцы.

Гнулись, только не ломались.
Парой-тройкой контратак,
Отступая, огрызались
Чтоб замедлил поступь враг.

Был навал немецкий страшен.
Лихо было попервой
Под напором немца нашим,
Но уперлись под Москвой.

А покуда отступали
От родного очага,
Шахты-фабрики взрывали,
Чтоб не баловать врага.

Все, что только было можно,
Сберегли. В короткий срок
Все заводы неотложно
Отправляли на восток.

Уходили эшелоны
К берегам Урал-реки,
И везли в себе вагоны
Мастеров да их станки.

Как с врагом хотелось драться!..
Но приказ не обсуждать:
Уезжали не спасаться,
А оружие ковать!

В поле, где раздолье ветру,
Разгружается вагон.

* Героическая оборона Брестской крепости началась 22 июня 1941 г. и, по показаниям свидетелей, сопротивление разрозненных групп красноармейцев продолжалось до начала августа 1941 г. Суммарные потери немцев в Брестской крепости составили до 5 % от общих потерь вермахта на Восточном фронте за первую неделю войны.

Нету стен и крыши нету,
Нет дверей и нет окон.

«*Стень да стень кругом...*» Да что там!
Только кабель подведен,
Дали ток — пошла работа!
Стены — после возведем!

День и ночь в четыре смены
Труд кипел, огонь не гас:
Меч Победы вдохновенно
Создавал рабочий класс!

И теперь уже обратно
Отправлялись поезда,
В даль, где бой гремит набатно,
Там, где правит бал беда.

И везли бойцам вагоны
Танки, пушки всех родов,
Мины, бомбы и патроны,—
Все, чем потчуют врагов.

Бейте врага, родные,
Вот вам воинский припас!
*Позади Москва**, Россия,—
Будьте стойки в грозный час!

Бейте Гитлера достойно,
Так, как Невский немцев бил!
А в тылу — в тылу спокойно,
Ведь у вас надежный тыл.

Заступив на ваше место,
Водят ваши трактора
Жены, матери, невесты.
Им в подмогу — детвора.

Патриотов настоящих
Воспитали вы, отцы:
Деловито встав на ящик,
У станков стоят мальцы!

Взгляд серьезен не по-детски.
Ремесла раскрыт секрет.
Бриллиант Земли Советской —
Мастера в двенадцать лет!

* 16 ноября 1941 года у разъезда Дубосеково Волоколамского района Московской области младший политрук Василий Георгиевич Клочков (1911—1941) обратился к бойцам: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!» Во время боя он погиб, бросившись под вражеский танк со связкой гранат.

На заводе знаменитом
В Туле в страшный год войны
Пареньком мастеровитым
Стал отец моей жены.

Рано детство повзрослело,
Кудри вьюга замела,—
За страну родную смело
Юность наша в бой пошла!

Крепнут руки, шире плечи,
И сердца горят огнем:
Пусть Берлин еще далече,
Ничего, авось дойдем!..

Сын мой, помни про былое,
Память в сердце береги
О *ЧекаLINE*, о *Зое**,
Что замучили враги!

Помни юных *краснодонцев***,
Жизнь отдавших за Народ,
Тех, чей подвиг, словно солнце,
Не померкнет, не умрет!

Такова уж их натура:
За Отчизну — до конца!
Среди них мой *дядя Юра**** —
Брат двоюродный отца...

...Были мр́ачны и угрюмы
Те, кто вовсе духом пал:
«Все вывозят... Надо думать,
Будем драпать за Урал...»

Всяко разное болтали,
Только знал московский люд:
Раз в Кремле остался Сталин,
Значит, город не сдадут!

Генералы *Жуков*, *Конеv*,
*Рокоссовский** — не сбоят!

* Александр Павлович Чека́лин (1925—1941) — юный партизан-разведчик во время Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1942). Повешен фашистами в г. Лихвине (ныне г. Чекалин Суворовского района Тульской области) 6 ноября 1941 г. Зоя Анато́льевна Космодемьянская (1923—1941) — красноармеец диверсионно-разведывательной группы штаба Западного фронта, заброшенная в 1941 году в немецкий тыл. Повешена фашистами в д. Петрищево (Рузский район Московской области) 29 ноября 1941 г.

** «Молодая Гвардия» — антифашистская комсомольская подпольная организация молодых юношей и девушек, действовавшая в годы Великой Отечественной войны, в основном, в городе Краснодоне Луганской (Ворошиловградской) области (Украинская ССР).

*** Юрий Семенович Виценоvский (1924—1943) — участник «Молодой Гвардии». Заживо сброшен фашистами и полициями в шурф краснодонской шахты №5 вместе с основной массой молодогвардейцев.

С ними Гитлера прогонит
Прочь советский наш солдат!

Слышишь дальний отзвук гула?
Это явь, а не обман:
Это бьет фашистов Тула,
Бит под ней *Гудериан* **!

Подоспели на подмогу
К нам сибирские полки.
Фрицы! Вам пора в дорогу,
Зашивать свои портки!

Грохотала канонада.
Уходил за строем строй
С Красной площади, с *парада* ***
На святой и смертный бой.

Шли плечом к плечу народы
Милой Родины моей
За свою страну, свободу,
Власть, которой нет родней.

Правым гневом пламенея,
Шаг чеканят — в сердце дрожь.
Их с трибуны Мавзолея
Провожал на подвиг Вождь:

«В бой — и наше дело право!
Будет подлый враг разбит!
С вами предков наших слава,
Ленин путь ваш озарит!»

И удар по немцу страшен!
Люто ворога громят
Рядом с русским в войске нашем
Армянин, казах, бурят!

И отбросили герои
От столицы вражью рать!
А убийц прекрасной Зои
Сталин в плен велел не брать.

(Продолжение следует)

* Генералы (впоследствии Маршалы Советского Союза) Георгий Константинович Жуков (1896—1974), Иван Степанович Конев (1897—1973) и Константин Константинович Рокоссовский (1896—1968) — величайшие полководцы Великой Отечественной войны.

** Хайнц Вильгельм Гудериан (1888—1954) — генерал-полковник германского вермахта, командующий 2-й танковой группой в составе группы армий «Центр». Потерпел поражение под Тулой.

*** Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года — военный парад в честь 24-й годовщины Октябрьской революции, проведенный во время Московской битвы, когда линия фронта проходила всего в нескольких десятках километров от города. Военный парад 7 ноября 1941 г. имел огромное внутривойсковое и международное значение. Он способствовал укреплению морального духа советского народа и его Вооруженных Сил, продемонстрировал их решимость отстоять Москву и разгромить врага.

Евгений Артюхов
(г. Москва)

Евгений Анатольевич Артюхов родился 28 февраля 1950 года в подмосковном городе Реутово. Учился в Московском институте химического машиностроения, окончил Литературный институт им. А. М. Горького и Саратовское высшее военное командное училище МВД СССР им. Ф. Дзержинского. Сорок с лишним лет работает в военной печати, двадцать из которых возглавлял отдел литературы журнала внутренних войск МВД России «На боевом посту», где и ныне является обозревателем. Полковник в отставке. Заслуженный работник культуры РФ. Участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, писал из многих «горячих точек». Награжден орденом Почета, медалью «За спасение погибавших», знаком «Почетный сотрудник МВД». Автор четырнадцати поэтических книг. Лауреат литературных премий им. А. С. Грибоедова (2009), К. М. Симонова (2000), премии МВД РФ (2007). Член Союза журналистов и Союза писателей СССР. Живет в Москве.

* * *

Помыкался по свету,
не за горой черед,
когда уже к ответу
Всевышний призовет.
Нигде не отличился
и не на что пенять.
Полжизни жить учился,
полжизни — умирать.

* * *

Разлюби меня, Муза печали.
Полюби меня, Муза любви,
на осклизлом житейском причале
мой оставшийся путь присоли.
Чтоб глубокие раны открылись
и мальчишеской болью ожгли,
чтобы старческой жизни бескрылость
на свои не толкала угли.
И хотя моя песенка спета,
не достигнув заветных вершин,
понял я, как с призванием Фета
изводился помещик Шеншин.
Знаю я, как страдает чинуша,

ощувив романтический хмель,
как живую открытую душу
заточают в глухую шинель.
Оттого ничего мне не страшно,
ни кола у меня, ни двора...
Если б только из жизни вчерашней
ты какой-нибудь знак подала.

ВСТРЕЧА

Треснула картонная броня.
Как пацан, робею и немею,
потому что смотрит на меня
женщина, не ставшая моею.
Влюблены ли мы, не влюблены —
право, и подумать мне неловко
посреди раздора и войны.
И гляжу я, как со стороны,
на ее красивую головку.
Что ж, быть может, в южной стороне
зябкой и сырой окопной ночью
или на пылающей броне
этот миг откликнется во мне,
прежде чем паду от пули нохчей.
Вот она спасает разговор,
вот она оплошность мне прощает:
ведь опять, уставившись в упор,
я в ответ несу какой-то вздор
и холодным обжигаюсь чаем.
Вижу, как глаза ее кричат —
чтобы я, с непрошеной любовью
забредя в житейский тихий сад,
не перепугал уснувших чад,
зацепив нечаянно гнездовье.
Глупенькая, я ведь все отдам
за твое уменье в мире хрупком
возвращать значение словам,
возвращать значительность поступкам...
Кровоточит строчками душа.
Как пацан, робею и немею.
Господи, зачем так хороша
женщина, не ставшая моею?!

* * *

Кроме свежести, в ней нету ничего.
Щебетлива, непоседлива, как ртуть.
Но гляди, как привязала — до того,
что ни охнуть без нее и не вздохнуть.
Упаду под полудетский каблучок,
поизранюсь и, как прежде, не пойму:

А здесь — ткни сушину — появятся листья,
и дальше живи беззаботно-счастливым.
И побоку все мировые вопросы, —
свои бы засыпать в бездонные ямы.
Зачем здесь гниют на земле абрикосы,
которые нам отпускают на граммы?
Зачем мы живем, словно на пепелище,
и хлеб у нас черный, как угли пожарищ,
а здесь распоследний бездельник и нищий
весь в злате загара и морю товарищ?
Уж лучше не видеть чужого достатка,
тогда и своя нищета не заметней.
Но русское сердце — сплошная загадка:
убогое любитя им беззаветней.
К тому же учили неглупые предки,
душой поправляя завистливый разум,
спокойно сидеть на возлюбленной ветке
и малое видеть растроганным глазом.

* * *

Я с детства был мечтателем неважным,
под ноги чаще нужного глядел.
Я быть хотел надежным и отважным,
не сторониться самых трудных дел.
А жизнь меж тем — не горше и не слаще
других — текла...
У гробовой доски
на звезды стал поглядывать все чаще:
а вдруг хоть там живется по-людски?

* * *

Сколько сумею, и нечего большего ждать, —
жилы порвутся неведомо ради чего.
Я не машина, — к чему непосильная кладь?
Нужен мне роздых иль что-нибудь вроде того.
Бездна мечтаний спеленута в красную ткань:
шелк ли знаменный? агитку ль во тьме избяной?
А на поверку — лишь криком порвали гортань
и остудили осевшею пеной хмельной.
В тесной Европе, посмотришь, живут по-людски,
хоть под любым носового не больше платка.
Мы ж на бескрайних просторах российской тоски
ночи не спим, если где-нибудь соль не сладка.
Род мой кубанский нещадно порубан клинком.
Род мой тверской в придорожные свален валки.
Нынче могу я их всех поминать не тайком,
но разве камни от этого станут легки?
Можно из них возвести крепостную стену,
но разве крепости где-нибудь ставят в укор?
И не по силам. Я просто в земле утону,
как утонул от стараний своих Святогор.

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

PERSONALIA

Пантюхин Олег Викторович — член Союза писателей России, член редколлегии литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», директор издательства Тульского государственного университета. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

Глоток весны... Так хочется его!
Он где-то задержался по дороге.
И с холодом покончено давно,
Ведь у зимы закончились все сроки.

И дни длиннее стали, свет даря.
И душам не дано бродить в потемках.
Они не существуют, не любя,
А разбиваются на мелкие осколки.

Всем нам немного света, хоть чуть-чуть,
Так не хватает после зимней стужи.
Планета снова к солнцу держит путь,
Чтоб воскресить израненные души...

* * *

Дождь смывает летнюю пыль.
Тени прошлого больше не жаль.
И потоки небесной воды
Унесут из души печаль.

Мы посмотрим друг другу в глаза,
Чтоб понятно все стало без слов.
И услышится в песне дождя
Позабывтая нами любовь...

* * *

Душа разукрашена красками
Любви, что таится в ней.
И были совсем не напрасными
Уроки прошедших дней.

Все чувства давно позабытые
Вновь вспыхнут и вновь оживут,
У самого сердца сокрытые
Лишь часа заветного ждут.

* * *

За окном бело от снега,
Просыпается душа.
Хоть немного дайте света,
Чтобы жить ей и дышать,
Чтобы чувствовать рассветы,
И закаты провожать,
Чтоб любить ей в мире этом
И летать...

* * *

За распахнутым окном — запах лета.
Сад тенистый опустел, правит полночь.
Только в отблесках небес видно где-то,
Что рассвет уже спешит к нам на помощь.

В тишине ночной рождаются мысли,
Те, которых не вместят строки.
Быть поэтом нелегко в этой жизни,
К людям добрым, а к себе строгим.

Без полета все вокруг — мука.
Тот, кто крылья обретал — знает,
Как звучат в душе любви звуки,
От которой все вокруг расцветает!

* * *

Заметает февраль все дороги.
Душу ветром продуло насквозь.
Прибавляется день понемногу,
И слабеет февральский мороз.

Утро снова уводит из дома,
Где тепло моего очага.
Город. Лица людей незнакомых.
И привычная всем суета.

Я не прячу от холода душу.
Если сердце согрето теплом,
Даже в самую лютую стужу
Можно быть негасимым огнём.

* * *

Как порою не хватает нам весны,
Чтобы в комнату вновь солнце ворвалось,

Осветив собою уголки души,
Те, в которых недоверье улеглось.

Как порою не хватает нам друзей,
Что поддержат в самый трудный в жизни час,
Тех, что дружбой крепкой, верно своей
В миг последний из беды спасали нас.

Как порою не хватает нам любви,
Той, что ищем мы почти всю нашу жизнь.
Без нее совсем другими стали мы,
А найдя, как будто снова родились.

О СТИХАХ

Стихи, как капельки росы,
Словами питают душу.
Они защитой нашей служат
От равнодушной суеты.

В них все: любовь, борьба и мука,
Переживанье и мечта,
И радость встречи, и разлука,
И глубина, и высота.

Пред ними ложь всегда бессильна,
Они спасают от обид,
И человеку дарят крылья,
Когда на грани он стоит.

И в мир наш, что не верит в чудо
Прольется луч из чистых слов,
Когда стихи дарить мы будем
Всем тем, кто слышать нас готов.

И слову доброму внимая,
Остановись, замедли шаг,
И посмотри, как высекают
Стихи огонь в людских сердцах!

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Бело, торжественно и тихо,
Земля под снег погребена.
Мороз узор рисует лихо
На полотне оконного стекла.

Душа в спокойствии безмолвном
Как будто тоже замерла.
Но скоро вновь она растает
И станет радостью полна,

Когда сойдут снега и землю
Наполнят вешнею водой,
Когда подснежник самый первый
Пробьется через снежный слой.

Вокруг все станет вдруг моложе,
Легки и ярки будут сны...
И сердце ждет, слегка тревожась,
Своей спасительной весны.

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

Русская деревня — боль души России.
Русская деревня, где найти ей силы?
Версты, перелески и дома пустые.
От картины этой снова сердце стынет.
Прадеды и деды жили здесь когда-то,
В босоногом детстве бегали ребята.
А вокруг сегодня, словно в поле зимнем,
Запустеньем веет, мрачно и тоскливо.
Сколько по России деревенок малых,
Никому не нужных, нищих, захудалых.
И проходит время, и уходят люди,
И земля пустеет... Что с ней дальше будет?
Повернуть к истокам надо нам однажды,
Чтоб деревне русской жить светлей и краше.

* * *

Снег замечает прошлого следы
И дарит белоснежные одежды.
В огромном мире есть лишь я и ты,
И будет лучше все, чем было прежде.

И сердцу вновь захочется любви,
Оно устало биться в ожидании.
Ты просто меня тихо позови,
Спасая от тревоги и страданья.

* * *

Твоя Любовь хранит меня в пути,
Во всех дорогах, ото всех печалей.
И лишь она должна меня спасти,
Уже сейчас она меня спасает.

Я пью ее — родник живой воды,
Уставший путник, гибнущий в пустыне.
И чтобы выжить в бездне пустоты,
Твое святое повторяю Имя...